

УДК 1(091);930.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.2.205

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ А. ЛАВДЖОЯ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Отмечается, что предлагаемый А. Лавджоем подход к интеллектуальной истории заключается в исследовании универсальных идей-единиц, функционирующих на протяжении всего становления знания и использующихся как составные элементы в более сложных конструкциях теорий и различных учений. Рассматривается история концепта «природы человека»

Ключевые слова: интеллектуальная история, идея, история идей, природа человека.

Артур О. Лавджой (1873–1962) является одной из ключевых фигур золотого века американской философии, основателем истории идей, отождествляемой с интеллектуальной историей. Начиная с 1919 г. Лавджой говорил о создании новой исследовательской программы – «истории идей», в 1923 г. он основал «Клуб истории идей» в университете Дж. Хопкинса, в 1940 г. опубликовал первый выпуск «Журнала истории идей». Интеллектуальная история, по Лавджою, сосредотачивается на исследовании концептов и идей, широко распространенных в обществе, для того чтобы определить, как они возникли, объединялись, взаимодействовали или противодействовали друг другу, как они были связаны с воображением, эмоциями и поведением: «хотя это и не вся отрасль знания, которую мы называем историей... но она является ее центральной и наиболее важной ее частью» [9, р. 8].

Хотя в центре рассуждения Лавджоя стоят представления об идеях, он не приводит определения идеи в самой известной из своих работ – «Великой цепи бытия» [2]. В «Журнале истории идей» он характеризует ее следующим образом: это не только мощная, но и упрямая вещь; она обладает своим собственным «особым движением»; история мысли, с одной стороны, представляет собой историю движения и взаимодействия человеческой природы, с другой стороны – историю специфической природы и воздействия идей, которые существовали в умах людей [7, р. 23]. Идеи представляют собой синтез общности и разнообразия [10]. Идея в интеллектуальной истории является определенной и эксплицитной, состоящей в единственном специфическом предположении или «принципе», провозглашенном большинством значительных европейских философов на разных этапах становления европейской философии. В целом, Лавджой стремится

© Потамская В.П., 2025

обнаружить скрытую структуру, которая связывает и организует западную мысль. Его подход заключался в исследовании универсальных идей-единиц, функционирующих на протяжении всего становления знания и использовавшихся как составные элементы в более сложных конструкциях теорий и различных учений. Подобная концепция широко обсуждалась. По мнению К. Даффин, интеллектуальная история Лавджоя является «эмерджентной и эволюционной», позволяющей осуществлять перестройку идей-единиц внутри идейных комплексов [5]. Д.Дж. Кун, в свою очередь, характеризует идеи-единицы Лавджоя как «неисторические» и «неоплатонические универсалии», рассматривая их как противоречащие взгляду, согласно которому концептуальные системы являются сходными с эволюционирующими видами [4, р. 497]. По словам Л. Катана, идеи-единицы Лавджоя представляют собой не принципы, составляющие философские системы, а скорее автономные «ментальные сущности». [3, р. 84]. По мнению К. Скиннера, Лавджой сосредотачивался на выделении идеального типа доктрины, не затрагивая проблему контекста, что подразумевает ее, в определенной степени, ограниченность [11, р. 29–31]. Как утверждал Д. Викберг, переосмысливший воззрения Лавджоя в терминах структурализма, его идеи представляют собой «не только картину, но и рамку», Лавджой решил проблему соотношения текста и контекста, представив идеи в качестве контекста, в котором были созданы тексты [6].

Хотя постоянные или изменяющиеся условия человеческой жизни и стечение обстоятельств являются важными факторами исторического процесса, в центре интеллектуальной истории Лавджоя стоит человек [8, р. 8–9]. В сборнике лекций, впервые опубликованном в 1961 г., Лавджой сосредотачивал внимание на проблематике природы человека. Первоначально лекции были прочитаны в частном гуманитарном Суортмор-колледж в 1941 г. и позднее объединены в данное издание. Термин «размышления», встречающийся в названии сборника эссе, отличается в определенной степени двусмысленностью. Лавджой не поясняет, о чьих размышлениях идет речь. С одной стороны, он стремится изложить концепции европейской мысли XVII–XVIII вв., в центре внимания которых стоят стремления, мотивы, направляющие человеческое поведение. С другой стороны, эссе представляют собой критические оценки и комментарии самого Лавджоя по вопросам, которые интересовали мыслителей прошлого, в частности, по проблеме природы человека и влияния самосознания человека на его жизнедеятельность.

В эссе «Самооценка человека» Лавджой сосредотачивается на изучении концепций природы человека, на стремлении определить его сущностные характеристики. Следует отметить, что природа человека для него не выступает в качестве идеи-единицы, а представляет собой концепцию, представленную различными идеями и оценками, как негативными, так и позитивными. Он сосредотачивается на одном из составных элементов данной концепции – самооценке человеком своей сущности. Цель Лавджоя не

заключается в том, чтобы представить набросок общей теории природы человека, хотя он затрагивает некоторые существенные элементы любой такой теории. Его интересует история представлений о природе человека, не всегда систематических и упорядоченных теорий, посвященных сущностным характеристикам человека, его мотивам, причинам действия, воле или осознанному выбору. Такие теории, скрытые или явные, можно обнаружить в литературных произведениях, философии, психологии и других областях знания [9, р. 12]. Более того, по мнению Лавджоя, именно история теорий природы человека является одной из главных областей исследования в истории идей. В рамках подобных работ исследователь сосредотачивается на изучении какого-либо сочинения, доктрины, периода, стремясь обнаружить мотивы, управляющие поведением людей, пытаясь определить, какие из них считаются доминирующими, как они взаимодействуют друг с другом, на какие из них опираются авторы и как они в целом оценивают природу человека. Тем самым в основном Лавджой, пусть и достаточно спорно, отчасти сводит проблему природы человека к проблеме мотивации.

Установки, что знания человеку необходимы для познания самого себя, являлись элементом историко-мифологических и философских установок еще в Древней Греции. Данная позиция повлияла на складывание западноевропейской философии, но, в оценке Лавджоя, оказалась наиболее привлекательной для XX в.: «и никогда прежде... мыслящая часть человечества не испытывала более острого приступа недоверия к себе или не проявляла более внезапных и тревожных опасений относительно своего собственного вида» [9, р. 1]. В оценке сущности человека можно обнаружить, по сути, противоположные тенденции: от превозношения человека до негативного отношения, утверждения «злой природы человека», которое преваляло в европейской системе вещей в определенные периоды времени. К примеру, религиозные авторы во все времена расценивали склонность человека к самоуважению (или тому, что именуется гордостью) как гордыню, первородный грех или же смертельную опасность, вследствие чего человек должен находиться в постоянном недоверии к себе и в самоуничижении. Более того, по мнению Лавджоя, в большинстве религий, как греческих, так и еврейских и христианских, принижение человека в его собственных глазах являлось важной задачей.

Подобное самоуничижение зачастую было основано не только на чувстве неполноценности человека по отношению к богу или доктрине первородного греха в теологии христианского мира. В мысли XVII–XVIII вв. оно часто формировалось на эмпирических и рационалистических основаниях, являясь «результатом наблюдения и интроспекции, реальной попытки людей понять, какими созданиями они являются... обобщить эти результаты наблюдения, а затем оценить человека, сравнивая его... с провозглашаемыми стандартами, идеалами или потенциальными возможностями». Несмотря на стремление изложить историю различных концепций природы человека, в центре обсуждений Лавджоя в данной лекции стоят

теологические и, отчасти, литературные примеры, преимущественно содержащие отрицательную оценку сущностных характеристик человека.

Своего рода психологическим обобщением, позднее принявшим вид общей позиции европейской религиозной и историко-философской традиции, является высказывание пророка Иеремии «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено». Так, Дж. Эдвардс (кальвинист, проповедник и богослов периода Великого пробуждения в Новой Англии), с тревогой наблюдавший за зародившейся в сер. XVIII в. тенденцией к более положительной оценке природы человека, опровергал «подобную ересь», основываясь на текстах Священного Писания и исходя из светских соображений. Комментируя ход всемирной истории, он пришел к выводу, что «зло имело... значительное превосходство в мире», а человечество является «в тысячу раз более вредоносным и разрушительным, чем... все вредные звери, птицы, рыбы и рептилии на земле, в воздухе и воде вместе взятые... И ни одно существо не может быть столь разрушительным для своего собственного вида, как человечество... Поэтому, мог бы сказать наш благословенный Господь, посылая своих учеников в мир... Я посылаю вас в мир людей, которые гораздо более вредны и пагубны... чем волки» (цит. по: [9, р. 3]). Уместно указать и комментарий Лавджоя: «Если бы Эдвардс мог пророчески распространить подобный обзор всемирной истории на двадцатый век, маловероятно, что он нашел бы причины изменить данную позицию» [9, р. 3]. За исключением цитаты из Писания, Эдвардс повторял установку классических моралистов и сатириков. Распространенное в XVII–XVIII вв. высказывание *homo homini lupus est* было сформулировано Плавтом во II в. до н. э. Плиний и Ювенал утверждали, что ни одно дикое животное не является столь разрушительным для своего собственного вида, как человек.

Как уже отмечалось, особый интерес Лавджоя представляет история мысли XVII–XVIII вв. Этот временной период характеризовался преобладанием негативной оценки человека, достигшей своей кульминации как в трудах теологов, так и в работах светских мыслителей. Примером подобного в литературе, несомненно, является сатира как на человека в целом, так и на отдельных исторических личностей [9, р. 15]. Как заметил один из критиков Ларошфуко, его «нелестный портрет человеческого сердца» в естественном состоянии, по сути, идентичен представленному «некоторыми Отцами Церкви и великими святыми», тем самым писатели и эссеисты, оценивающие «злую природу человека», во многом продолжали следовать линии ортодоксальной религиозной традиции.

В сатире обычно признавалось, что разум человека мог бы позволить ему превзойти другие создания, но поскольку он его не использует должным образом, инстинкт лучше руководит животным. Главный результат обладания человека разумом и интеллектом сводится сатириками XVII–XVIII вв. к утрате человеком гармонии с природой, что порождает искусственные желания и непомерные амбиции, глупость, тщеславие. Эту общую сатирическую линию, ранее продемонстрированную Макиавелли в

«Золотом осле», продолжают Ф. де Ларошфуко, Ж. де Лабрюйер, мадам А. Дешульер, А. Поуп, Дж. Свифт, Роберт Гулди другие. В восьмой сатире Никола Буало (французский поэт и теоретик классицизма) отражаются наиболее общие черты сатиры – представление homo sapiens ниже других животных в иерархии:

*«Осел от ужаса не мог найти бы слов.
По справедливости вдруг ставши мизантропом,
Сказал бы нам, как он говаривал с Езопом:
“Благодарю творца, что я в числе скотов!
Божусь, что человек глупее нас, ослов!”» [1].*

Наиболее полно сатира выражена в «Путешествиях Гулливера». Хотя обычно данное произведение характеризуют как отражение «гордого, презрительного и горького темперамента» самого Свифта, оно также, особенно в главах о гуингнмах, иллюстрирует одну из литературных мод того времени. Как отмечает Лавджой, его цель была той же, что и у других писателей: «Умерщвление гордыни, которая... приводит не только к самым нелепым глупостям, но и к самым обширным бедствиям...» [9, р. 16].

В целом глубокие опасения относительно природы и земных перспектив человека являлись доминирующей позицией в оценивании природы человека на протяжении большей части истории. Сам же Лавджой пессимистичен относительно современного ему человеческого общества: «мы все согласны... что мир находится в ужасном беспорядке, и что этот беспорядок создан руками человека; и нет темы общественного дискурса более избитой, чем трагический парадокс между удивительным прогрессом современного человека в знании и власти над своей физической средой и его полной неспособности до сих пор преобразовать себя в существо, которому можно доверять знание и власть» [9, р. 16]. Вместе с тем следует отметить, что этап негативной оценки человека в XX в. последовал за периодом более позитивных тенденций, доминирующих в Англии в Викторианскую эпоху. Она именуется Лавджоем веком самонадеянности человека (о собственной природе) или, в более модной для 1930-х – 1940-х гг. терминологии, – Веком нарциссического комплекса человека [9, р. 15–20].

Несмотря на то, что корни данного представления появились задолго до кон. XVIII в., вера в способность человека совершенствоваться и в неизбежность непрерывного прогресса стала достаточно активно продвигаться мыслителями и ораторами XIX в., а его кульминацией стала вт. пол. XIX в. Типичной переходной фигурой, по мнению Лавджоя, в обсуждении сути природы человека являлся Л. де Вовенарг. Выражая зарождающуюся новую тенденцию оценивания человека, он заявлял, что «истинная добродетель, ...которая есть дело природы и состоит главным образом в доброте и стойкости души, будет сосуществовать вечно...» [9, р. 21].

В оценке Лавджоя, в течение XIX – нач. XX в. западное общество становилось все более самодовольным, более уверенным в себе и в будущем. Вера в то, что человек «от природы добр», стала широко принятой

предпосылкой как политики, так и педагогики; «признание природного зла человека стало своего рода отвратительным богохульством». Другими словами, самообожествление и самопрославление человека стало пунктом веры. К примеру, статуи викторианских государственных деятелей зачастую сопровождают типично викторианские надписи: «Веря в Бога, он не мог не верить в человека» [9, р. 8].

Еще одной характерной чертой теорий о природе человека XX в. вследствие развития психологии является расширение рассуждений о внутреннем складе, природе, взаимодействиях, силе мотивов, эмоций и желаний, которые определяют поведение людей. Важность изучения мотивов стояла в центре внимания как Л.Т. Троланда, так и У. Мак-Дуггала, оказавших значительное влияние на дальнейшее развитие как психологии, так и психопатологии. В границах последней Лавджоя особенно интересует позиция З. Фрейда, не только выдвинувшего новые гипотезы о природе субъективных детерминант, объясняющих отклоняющиеся психические состояния и поведение, но и расширившего их до теорий человеческой мотивации. И, по мнению Лавджоя, несмотря на очевидные сложности теории Фрейда, главным образом связанные с ее «мифическим описанием битв между тремя метаэмпирическими сущностями, Я, Оно, Сверх-Я», его заслугой было продвижение исследования проблем и внесение в них оригинальных и наводящих на размышления концептов, в том числе и идей природы человека, хотя едва ли Фрейд стремился на них сосредоточиться [9, р. 11–12].

М. Лернер, обращаясь к новым тенденциям в психологии, в 1939 г. заявил, что «открытие иррационального отмечает гениальность нашего века... Интеллектуальная революция XX века, вероятно, претворит в жизнь terra incognita иррационального и определит его последствия для каждой области человеческой мысли», что является «коперниканской революцией в идеях» – «рациональный, правильно мыслящий человек несомненно перестал считаться центром нашей интеллектуальной системы, как Земля перестала быть центром нашей планетарной системы» (цит. по: [9, р. 22]). Хотя это является, с позиции Лавджоя, преувеличением, подобное высказывание включает в себя и значительную долю правды. Вместе с тем, «интеллектуальная революция двадцатого века имела своего двойника в XVII–XVIII вв.». В данный исторический период авторы также стремились обнаружить terra incognita иррационального, пусть и не прибегая к подобной терминологии, и извлечь из него следствия. Если человек, по гипотезе, в основном является иррациональным существом, то для того, чтобы понять, необходимо обнаружить иррациональные элементы и силы природы человека. Хотя авторы XVII–XVIII вв. были гораздо менее систематичны в этом поиске, они предвосхитили то, что, как полагал Лавджой, является одним из содержательных открытий в психологии: так называемые «причины» людей для совершения действий или же для формирования убеждений определяются алогичными или нерациональными желаниями [9, р. 23]. Природа человека характеризуется стремлением к рационализации, однако в

вопросах, связанных с чувствами, страстями или же предрассудками, его поведение не всегда рационально: «человек сначала принимает вывод, который эмоционально желателен для него, а затем изобретательно находит причины для его принятия... он верит, что его мнимые причины действительно определяют его умозаключения или мотивируют его действия. Таким образом, он не просто нерационален, но и является постоянной жертвой самообмана» [9, р. 25]. По Лавджою, данная установка, сформированная в границах мысли XX в., не является новаторской. Впервые подобные соображения появились в теологии и литературе XVII в. и XVIII в., когда исследователи человеческой природы, независимо от того, являлись ли они католиками или протестантами, настаивали на огромной роли самообмана и заблуждений в человеческой деятельности, принятии желаемого за действительное и представляли человека как нерационального рационализатора. Основой данного убеждения во многом являлись религиозные представления – учение о греховности человека выступало как стимул стремлений обнаружить не только иррациональные, но и скрытые мотивы поступков. И, в оценке Лавджоя, данное стремление породило «немало психологической находчивости и значительное количество психологической проницательности. Его сторонники были обязаны относиться с подозрением к любому внешнему проявлению добродетели, каким бы значительным оно ни было», поскольку поведение людей зачастую бывает примерным, осмотнительным и даже героическим. Чтобы оправдать негативные концепции человеческой природы, необходимо проникнуть в глубины сознания индивидуума и обнаружить истину, которую большинство людей сами не осознают. Тем самым доктрина сущностной испорченности человека сводится не к неподобающему или аморальному поведению, а к испорченности «сердца» человека. Данные воззрения возможно обобщить следующим образом: хотя человек, несомненно, наделен своим Создателем даром божественным разумом, именно «сердце» управляет действиями разума, но при этом скрывает свои истинные намерения, поэтому все люди занимаются самообманом

Католик и моралист Жак Эспри особенно ярко иллюстрировал теологическую мотивацию данного стремления: «Все признают, что [люди] обычно действуют из интереса или тщеславия». Существуют добродетельные поступки, но они не подразумевают добродетельных мотивов. «Тот, кто кроток, миролюбив, снисходителен, добр и услужлив, не является истинно добродетельным, если он ведет себя подобным образом для того, чтобы заслужить любовь людей, а не подчиняться Божьим заповедям... Добродетельное действие не может быть познано... Ибо Прибыль, Слава, Страх и другие Посторонние Причины подстрекают нас совершить его. Доблесть, Справедливость и Доброта как качества тех, кто их совершает, не являются Добродетелями, поскольку имеют некоторую Побочную Цель и Мотив» (цит. по: [9, р. 28–29]).

Протестант Жан Ла Пласетт кратко сформулировал концепцию того, что сейчас называется «рационализация», следующим образом: «Когда

человек любит, ненавидит, боится, желает, он обладает желанием иметь причину любить, ненавидеть, бояться, желать... и силой своего желания он воображает, что нашел ее, поскольку, по правде говоря, когда человек так расположен, самые слабые догадки выдаются за доказательства, а самые незначительные догадки – за определенные и несомненные истины» (цит. по: [9, р. 30]).

Жак Аббади, французский протестантский теолог, подробно останавливался на «изобретательности ума в нахождении причин, благоприятствующих тому, чего он желает», выделяя несколько форм обмана ума сердцем: «добровольное невнимание» (предположительно, неприятие нежелательных свидетельств или логики аргумента), «невежество, которое человек находит приятным», «ошибки, которые возникают из-за большого желания человека обманывать себя», и «склонность, которая отдаляет его от всего, что для него неприятно, и сильно привязывает его к чему-либо» (цит. по: [9, р. 30]). Следует отметить, что Аббади выражает и смешивает два различных тезиса: во-первых, представления о надлежащей функции разума – контроля действия, хотя на практике человек обычно управляется страстями; и, во-вторых, гораздо более радикальное положение, которое вполне могло стать фундаментальной основой этической доктрины Юма, – психологически немыслимо, чтобы разум как таковой вообще мог влиять на волю или поведение. Его функция исключительно познавательная, он сосредоточен на фактах [9, р. 31]. Сатирики, в свою очередь, продолжая подобную линию аргументации, всячески ее развивали. Значительная часть произведений Ларошфуко и Лабрюйера представлена иллюстрациями и вариациями на тему *L'esprit est toujours ladupe du coeur* («Ум всегда обманывает сердце»).

Главным американским представителем подобного образа мышления являлся Д. Адамс. Его самым ранним произведением было небольшое эссе, опубликованное в 1763 г., в котором подробно излагается утверждение, что в науке о человеческой природе нет ничего более любопытного, чем тот принцип, который писатели-моралисты называли самообманом. Адамс, в свою очередь, под самообманом подразумевал рационализацию, рассматривая ее как производную от самоуважения: «склонность людей льстить себе» и, следовательно, «обманывать себя», чтобы верить во что-либо, что поможет произвести благоприятное впечатление как на себя, так и на окружающих, или представить недостатки в выгодном свете. Данная склонность характеризует всех людей и является источником бед человечества. Более того, он обратил внимание не только на опасности бессознательного самообмана, но и на осознание возможности самообмана, представляя следующую линию аргументации. Мудрый человек осознает тот факт, что его суждения, мнения и даже моральные чувства могут быть на самом деле сформированы в нем не разумом, а «предрассудками и страстями, которые должны занимать гораздо более низкое положение в интеллектуальной и моральной системе». И, как следствие, «величайший гений, соединенный с лучшим нравом, обнаружит, что трудно... быть уверенным в чистоте своих

намерений». Но размышления Адамса о самообмане в основном являются основой для объяснений, почему другие люди придерживаются иных взглядов в контексте политических споров Массачусетса и почему эти споры принимали вид «попыток очернить и дискредитировать мотивы спорящих», а не представить «рациональные исследования сути дела, ориентированной на обнаружение истины» [9, р. 33–34].

Итак, подход к интеллектуальной истории Лавджоя, его категоризация «идей» и концепция истории идей заключается в изолировании и изучении перемещающихся во времени универсальных идей-единиц. Идея в интеллектуальной истории Лавджоя является определенной и эксплицитной, состоит в единственном специфическом предположении или принципе. Тем не менее природа человека для него не выступает в качестве идеи-единицы, а представляет собой концепцию, представленную различными идеями и оценками, как негативными, так и позитивными, и в рассуждениях о ней Лавджой не уходил в плоскость философской антропологии и практически не обращался к категориям добра и зла. Он излагал именно историю представлений о природе человека, не всегда систематических и упорядоченных теорий, посвященных сущностным характеристикам человека, его мотивам, причинам действия, воле или осознанному выбору. В центре обсуждений Лавджоя стояли теологические и литературные примеры, содержащие преимущественно отрицательную оценку сущностных характеристик людей. Утверждая, что глубокие опасения относительно природы и земных перспектив человека являлись доминирующей позицией в оценивании природы человека на протяжении большей части истории, он отмечал, что представления о внутренней испорченности и негативная оценка были столь общепризнанными, что человек не только стал довольно стойким к ним и принял их как одну из нормальных и подходящих тем в поэзии и прозе, но и рассматривал их как в общем-то верное отношение к себе.

Список литературы

1. Буало Н. «На человека» [Электронный ресурс]. URL: <https://liricon.ru/8-ya-satira-bualo-na-cheloveka.html> (дата обращения: 21.04.2025).
2. Лавджой А. Великая цепь бытия: история идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
3. Catana L. The Concept «System of Philosophy»: The Case of Jacob Brucker's Historiography of Philosophy // History and Theory. 2005. V. 44. № 1. P. 72–90.
4. Coon D.J. Of Gold and Pyrite // Biology and Philosophy. 1990. № 5. P. 493–501.
5. Duffin K.E. Arthur O. Lovejoy and the Emergence of Novelty // Journal of the History of Ideas. 1980. № 41. P. 267–281.
6. Gram M.S., Martin R.S. The Perils of Plenitude: Hintikka contra Lovejoy // Journal of the History of Ideas. 1980.41. P. 497–511.
7. Lovejoy A.O. Essays in the History of Ideas. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1948. 376 p.

8. Lovejoy A.O. Reflections on the History of Ideas [Electronic resource]. URL: <https://krieger2.jhu.edu/philosophy/Lovejoy/147.%20Reflections%20on%20the%20History%20of%20Ideas.pdf> (accessed: 02.03.2025).
9. Lovejoy A.O. Self-Appraisal of Man // Reflections on human nature. Baltimore: JohnsHopkinsPress, 1961. P. 1–36.
10. Reck A.S. The Philosophy of A.O. Lovejoy (1873–1962) // The Review of Metaphysics. 1963. Vol. 17. № 2. P. 257–285.
11. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. № 8. P. 3–53.

THE PROBLEM OF HUMAN NATURE IN A. LOVEDJOY'S INTELLECTUAL HISTORY

V.P. Potamskaya

Tver State University, Tver

It is demonstrated that the intellectual history of A. Lovejoy is associated with the history of ideas. It is noted that the approach proposed by A. Lovejoy consists in the study of universal unit-ideas that function throughout the formation of knowledge and are used as components in more complex constructions of theories and various conceptions. The history of the concept of «human nature» is examined

Keywords: *intellectual history, idea, history of ideas, human nature.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – канд. филос. н., доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Ass. Prof. of the Dept. of General History, Tver State University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 10.05.2025.